

1

— Мы знали эту актрису по таким сериалам, как «Девушка-призрак», «Глоток Брин Мор», а также по ее участию во многих телевизионных шоу. Лидия Извольская буквально ворвалась в наш телевизионный мир. Эту необычайно красивую и талантливую актрису можно было увидеть сразу на нескольких телеканалах. Те, кто был знаком с Лидией, отзывались о ней, как о человеке с трудным характером, однако это не помешало ей найти общий язык с такими известными режиссерами, как Михаил Плен, Андрей Ратманов...

Рита услышала все это сквозь общий шум большой квартиры, где собралось много гостей и где она сама по воле случая оказалась чуть ли не хозяйкой. В гостиной был накрыт длинный стол, и Рита постаралась, чтобы на нем было много изысканной закуски, разных салатов. Конечно, ей приходилось трудновато, потому что все здесь было чужое, она некоторое время никак не могла запомнить, что и где лежит в кухне и кладовке, но отступить было поздно: Павел Смирнов, друг Марка, пригласил их, хотя справедливее было бы сказать — заманил — сюда, в Москву, на свой сорокалетний юбилей, в надежде на помощь Риты. Он, холостяк, тем не менее категорически отказывался отмечать свой день рождения в ресторане, где все чужое и казенное. Марк искренне поверил ему, даже и не подозревая, что Павел пригласил их к себе не столько для того, чтобы они помогли ему с проведением торжества, сколько из-за огромного и плохо скрываемого желания увидеться с Ри-

той. Но об этом знала только сама Рита, Марку же это и в голову не пришло бы.

Они приехали за два дня до праздника, и, пока мужчины закупают продукты и все необходимое к столу, Рита с помощью домработницы Галины Петровны, соседки, которая, по словам Павла, ничего не смыслила в готовке, но зато хорошо убиралась, привела в порядок квартиру, поменяла шторы на окнах и даже вычистила весь хрусталь и серебро.

— Рита, ты, главное, не волнуйся, — не переставал повторять Павел, высокий худощавый блондин с нежным лицом и большими серыми глазами, в которых светился ум и его огромное желание понравиться Рите. — Компания будет разношерстная: мои друзья-адвокаты, разгильдяи и любители выпить, но ужасно милые, симпатичные люди; политики, но не скучные; разного рода клиенты, с которыми у меня сохранились дружеские отношения. Будут, конечно, и женщины, и тоже разные — от бизнес-леди до жен моих друзей, попросту бездельниц с замашками миллионерш. Все они любят хорошо поесть, посплетничать. Но ты не обращай на них никакого внимания. Никто из них не умеет готовить так, как ты!

— Паша, я уже поняла, ты воспринимаешь меня просто как кухарку, — мягко отшучивалась Рита, не отрывая глаз от миксера, в котором взбивались яйца к крему.

Павел стоял рядом и едва сдерживался, чтобы не обнять Риту.

— Нет, все это не так, ты же отлично понимаешь. Ситуация вообще сложная... Я влюблен в тебя по уши, просто схожу с ума, но мозгами своими понимаю, что между нами ничего не может быть, — он разговаривал с ней так откровенно, пользуясь тем, что его практически не было слышно за шумом работающего миксера. Да и в кухне, кроме них двоих, никого не было. — Не может ничего быть потому, что ты — жена моего лучшего друга, Марка. А Марк — человек серьезный, следовательно прокуратуры, и я его ужасно боюсь.

Рита заметила, что рядом с ней Павел превращается в

самого настоящего мальчишку, и удивительно — как такой красивый, умный и богатый мужчина до сих пор «на свободе», как ему удалось избежать очередного брака.

— Я сама его боюсь, — улыбнулась она и взглядом попросила Павла подсыпать в ярко-желтую воздушную смесь сахарной пудры. — И лучше было бы, если бы он ни о чем не догадался.

Так получилось, что все время до торжества они были рядом, обменивались улыбками, какими-то шемающими, кошачьими касаниями, намеками, но если для Риты все это было просто игрой, доставляющей ей невинное женское удовольствие, то для Паши, как она понимала, эта игра становилось все более дразнящей и опасной.

Теперь же, когда все гости собрались и в квартире было не протолкнуться (какие-то мужчины и женщины бродили с рюмками по квартире, беседовали или спорили, звучала музыка, от стола исходил дивный аромат готовых закусок, а из кухни струился теплый дух запеченного мяса и кислото-пряный, замешанный на черносливе запах жирного бигоса), она вдруг поняла, что смертельно устала и что не готова вынести все это сборище голодных и совершенно чужих ей людей. И чего ради они с Марком сюда приехали?

«Понимаешь, Рита, он там, в Москве, совсем одинок. Ему стукнет сорок, и он остро поймет, что он совершенно один, что у него, кроме старой домработницы, которая толком не умеет приготовить овсянку, никого нет. Любовницы не в счет. Все это так, жены его друзей... Одна уж точно, во всяком случае. Ну, поедем! Я там отдохну. Уж там-то меня точно никто не найдет и не вызовет в три часа ночи на место преступления. И никаких убийств, никаких бессонных ночей. Да и ты тоже отдохнешь. Приготовишь пару салатов и торт — и все, будешь смотреть телевизор. А может, наберешься впечатлений...» Она попыталась ему сказать, что в августе в Москве могут быть только одни впечатления — от страшной, пропитанной гарью жары и плавящегося асфальта. Но воздержалась. Подумала: а что, если и в самом деле ей пора сменить обстановку? К тому же в их отношениях наметился разлад — она была уверена, что

Марк, пусть даже и случайно, стихийно, как животное, изменил ей с одной женщиной. Дело прошлое, она сделала вид, что все забыла, но разве можно такое забыть по-настоящему?

— Прошу всех за стол, — торжественно объявил Павел.

— Стойте! — вдруг крикнула одна из женщин, до которой, вероятно, так же как и до Риты, сквозь общий гул голосов и нервную джазовую музыку пробился голос дикторши. — Подождите, кажется, Извольская... что-то произошло, раз о ней говорят в прошедшем времени...

Ее громкий голос сделал свое дело: на мгновение стало тихо, все повернули головы к огромному экрану телевизора, на котором появился портрет умопомрачительной красоты с развевающимися светлыми волосами и огромными темными глазами...

— Извольская... — сказала другая женщина каким-то странным, замогильным голосом. — Господи!

Дикторша между тем продолжала:

— По полученным из неофициальных источников сведениям, вчера ночью Лидия Извольская в компании своей подруги, тоже известной молодой актрисы, Варвары Арнаутовой, и еще двух приятелей находилась в ресторане «Золотая бабочка», расположенном в Лялином переулке. Надо сказать, что мало кто вообще знает о существовании этого ресторана. Но сейчас речь не об этом. Главное — слух, разнесшийся по всей Москве, о том, что Андрей Ратманов, известный актер, продюсер и режиссер, ушел от Лидии Извольской к Варваре...

— Вот черт, да что они со всеми своими сплетнями! — возмутился кто-то. — Вы понимаете что-нибудь или нет? Что случилось с Извольской? Как так можно строить репортаж, что ничего не понятно?

— Говорят, что в ресторане был скандал. Извольская, находясь в нетрезвом состоянии, кричала на свою бывшую подругу и обвиняла ее в том, что та украла у нее Ратманова. И теперь, учитывая сложившиеся обстоятельства, можно

согласиться с работниками прокуратуры, задержавшими Арнаутову по подозрению в убийстве Извольской...

— Наконец-то родила, — фыркнул кто-то из гостей. — Наконец-то я понял, что Извольскую убили!

— Как ее убили-то?

— Неясно...

В этот момент раздался стонущий звук ожившего телефона — этот сигнал Рита уже выучила наизусть, так звонил мобильник Павла.

— Да, слушаю... Да. Да... Понятно, дайте ей трубку. Варвара?

При упоминании этого редкого имени все уставились теперь уже на виновника торжества Павла, который, поймав взгляд только одного человека, которого он хотел бы видеть в эту минуту, — Риты, сказал ей через плечо, как бы извиняясь:

— Это Варя Арнаутова, моя клиентка...

— Бляха муха! — ухнул кто-то за спиной у Риты. — Да у нас именинника забирают...

— Варя? Да, я понял. Прошу тебя об одном: молчи! Никому ничего не говори. Я сейчас приеду, и мы с тобой побеседуем. Понимаю, что ты нервничаешь. Как тебя нашли-то? Приехали прямо домой? Ясно... Неприятная история! Но ты жди меня и помни о том, что я тебе сказал.

После этого он отключил телефон и оглядел всех присутствующих гостей задумчивым и каким-то отчаянным взглядом:

— Мою клиентку обвиняют в убийстве Лидии Извольской. — Он развел руками. — У нее истерика.

— Понятное дело.

— Иди уж, незаменимый!

— Вот вечно так!

— Паша, ты хотя бы выпей с нами, закуси. Надо же, в самый ответственный момент, когда дом полон гостей...

И только Марк смотрел почему-то не на Павла, а на жену, вспоминая похожие ситуации из их жизни, когда ему, следователю прокуратуры, приходилось выезжать на место преступления даже глубокой ночью. Кому это может по-

нравиться? А тем более молодой жене, женщине, которую ты любишь и которая любит тебя. Он видел, что Рита молча наблюдает за Павлом, и во взгляде ее прочел сочувствие и какую-то растерянность. Ну конечно, ведь теперь как бы они с Марком остаются за хозяев дома, им придется развлекать гостей. Ситуация!

Между тем Павел подошел к Марку, бросил через плечо взгляд на Риту, как бы приглашая ее подойти:

— Такие дела. Ничего не попишешь.

— Да ладно, ты, Пашка, иди. — Марк хлопнул его по плечу. — Громкое дело, о тебе напишут все газеты. Для адвоката это неплохо, согласишься. Может, когда ты вернешься, на столе еще что-нибудь останется.

— Марк, не думаю, что его это сильно волнует. Думаешь, я не оставлю ему кусок мяса или банку маринованных грибов? Просто он решил пригласить друзей, отметить день рождения, а тут такое. Но Марк прав — дело обещает быть громким, даже в том случае, если ты в самое ближайшее время докажешь непричастность твоей клиентки к этому убийству. Лидия Извольская... Такая красивая была актриса! Совсем молодая. Не думаю, чтобы твоя клиентка посмела совершить это убийство. Я имею в виду, сломать таким образом свою карьеру.

— Ты знаешь и мою клиентку?

— Варвару Арнаутову? Конечно, знаю. Она тоже снимается в сериалах, иногда выступает телеведущей. Она — полная противоположность Извольской и представляется мне человеком куда более серьезным и волевым. Паша, можешь пообещать мне, что расскажешь все, что узнаешь сегодня? Я ужасно любопытная. Тем более, когда речь идет об убийстве актрисы.

— Зная тебя, трудно представить себе, что ты откажешься помочь мне и в расследовании этого преступления, — произнес Павел, не в силах отвести взгляда от Риты. — Тем более что закон не запрещает нам, адвокатам, принимать участие в следствии.

— Рита, не задерживай его своими разговорами, не ви-

дишь разве, что он из вежливости топчется возле нас, хотя ему давно уже пора ехать.

— Хорошо, что я напиток не успел, — пошутил Павел. — Ладно, я поехал... А вы рассаживайтесь, пируйте. Постарайтесь поскорее вернуться. Я хорошо знаю Варю, уверен, что нам с ней удастся выпутаться из этой истории.

Он ушел, и все, словно вычеркнув Павла из этого вечера и забыв, что это он — виновник торжества, быстренько расселись вокруг стола и вернулись к своим прерванным разговорам. Рита, переглянувшись с Марком, вздохнула и пожала плечами.

2

Свет в парке был сумеречным, каким-то не летним, не августовским, а скорее осенним. Да и пахло в воздухе по-осеннему — гарью. Кто-то сжег сухие листья или поджег мусорный бак.

Оля шла, прижимая к груди маленькую, но тяжелую сумочку, которая, несмотря на настроение хозяйки, ошалевшей от страха и всего того, что она задумала, весело позванивала металлическими цепочками. Да и каблочки постукивали по асфальту как ни в чем не бывало. Оля была одета во все серо-коричневое, неприметное. Она долго выбирала, что ей надеть в этот вечер, чтобы быть как можно незаметнее, чтобы слиться с вечерними красками парка.

Мужчина, шагавший рядом с ней, был намного бодрее и увереннее в себе. Неожиданное свидание. Кто бы мог предположить?!

— Ты, это... Куда меня ведешь-то? — спросил он, пытается обнять ее. — Здесь вроде бы никого нет. И лавка пустая. Сядем?

— Сядем.

Оля покорно села на лавку и позволила мужчине обнять себя.

— Ты удивлен? — спросила она, даже не поворачивая головы в его сторону.

— Если честно, да. Когда ты позвонила, я даже не сразу

понял, что это ты. Но я все стрелки отменил, все дела свои забросил, когда ты пригласила меня сюда. Ты почему дрожишь-то? Боишься, что ли, меня? — Он сгреб ее в охапку.

— Боюсь. Тебя все боятся.

— Тогда почему же пригласила меня?

— Да потому, что такие, как ты, больше всего и нравятся девушкам. Когда я тебя вижу, мне не по себе становится.

— Возбуждаешься, что ли? — Он резко повернулся к ней, взял ее лицо в ладони и поцеловал.

Она подумала, что он нарочно до свидания с ней нажевался мятной жвачки, знал, что они целоваться будут. Волна тошноты подкатила к горлу.

— Подожди. У меня тушь потекла, сейчас платок достану...

Она встала, одернула короткую юбку, открыла сумочку, достала пистолет и выстрелила ему в голову. Увидела, что попала в висок. На этом месте сразу же образовалось темное пятно, и мужчина, еще недавно жевавший мятную жвачку, повалился на лавку, а оттуда сполз на землю.

Оля Барсова оглянулась — никого поблизости не было. Все шло так, как она и задумала. Она несколько дней подряд ходила сюда, чтобы убедиться в том, что это один из самых безлюдных уголков парка. Берег тихого пруда, ровная гладь фиолетовой от опрокинутого неба воды, густые кусты дикой акации и сирени, пустые в этот сумеречный час скамейки. Главное, убеждала она себя задолго до того, как решилась на убийство, не суетиться и сделать все так, как она спланировала. Во-первых, удостовериться в том, что он мертв. Иначе, когда его, раненого, вернут к жизни, он скажет, кто пальнул в него.

Она подошла к нему и приложила палец к тому месту на шее, где, как ей объясняли однажды знакомые студенты-медики, находится сонная артерия. Никакой пульсации. Потом она достала из кармашка джинсовой серой куртки маленькое зеркальце и приложила его к губам мужчины. Вроде бы он мертв. Так. Теперь — его телефон. Никто не должен его найти, ведь там отразился бы и ее звонок.

Телефон полетел в воду.

Она и сама удивлялась своей собранности, хладнокровию и спокойствию. Возможно, думала она, это ее состояние — временное, и неизвестно еще, что за этим последует. Вполне вероятно, будет истерика, но это уже дома, а сейчас она должна довести все до конца. То есть отойти в сторону, достать носовой платок и протереть им пистолет, тщательно спрятать его, предварительно замотав в шелковый шарфик, на дно сумочки и более коротким путем вернуться домой.

Что она и сделала. И уже возле дома вдруг поняла, что теперь может жить спокойно. Что человек, который отравлял ей жизнь и которого она боялась, мертв. Она представила себе вдруг, как над головой ее от сознания совершенного распускаются, потрескивая, густые и роскошные взрывы салюта, как тысячи, миллионы маленьких звезд осыпаются с темного теплого августовского неба ей на плечи. Фейерверк, праздник освобождения и возвращения к нормальной, безмятежной жизни. Оставалось только сделать один важный звонок.

По лестнице она поднималась, размахивая сумочкой — ей казалось, что пистолет, лежавший в ней, стал намного легче. Словно пуля, выпущенная в висок ее врага, весила целый килограмм.

Ей открыла мама. Такая красивая, милая и уютная в своем домашнем широком платье.

— Вернулась? Что-то ты поздно сегодня. С Женей встречалась? — В тоне матери она почувствовала иронию.

— Нет, просто прогулялась немного. Днем — духота, жара, а вечером в Москве так красиво, свежо, все вокруг радуются жизни... вот и я тоже решила пройтись...

— Надеюсь, ты проголодалась? Мы с папой тебя ждали-ждали, да так и не дождались. Будешь ужинать?

Так не хотелось думать о том, что произошло совсем недавно в парке, что Оля сама себя принялась убеждать: убийство — лишь плод ее воображения, это просто ее фантазия или даже мечта, так и не воплощенная в жизнь. И она сейчас действительно гуляла по Тверской, слившись с празд-

ношатающейся публикой. Она так хорошо представила себе это, что даже словно почувствовала запах еды из раскрытых дверей кафе и вентиляционных отдушин ресторанных кухонь. Даже уличный шум будто бы проник в ее уши. Иллюзия было полной.

Ужинали в комнате, перед телевизором.

— Суп будешь? Или только второе?

— А что у нас на второе? — крикнула Оля из ванной комнаты, где она тщательно мыла руки.

Она стреляла с довольно близкого расстояния, но брызг крови на одежде не обнаружила. Она сняла куртку, решив, что, если она прямо сейчас встанет под душ, а потом переодеется, это может показаться маме подозрительным, ведь все это она обычно прodelывает после ужина. И вообще, мама в последнее время стала излишне внимательной, придирчивой, и всегда, когда Оля возвращается домой, смотрит на нее пристально, словно хочет заметить в ее внешности следы недавнего свидания — особый взгляд, памятную одежду, следы поцелуев на ее шее. Вот только спросить напрямую, как далеко зашли у нее отношения с Женей Бутурлиным, мама все еще не решается. Но когда-нибудь непременно спросит.

— На второе грибы с рисом, как ты любишь. Я подумала, что нельзя постоянно есть только мясо.

— Ну почему же нельзя? — Оля с улыбкой села за стол, посмотрела на умиротворенного и уже сытого отца.

— Привет, — произнес он так, что Оля замерла, вдруг ощутив опасность, в которой она теперь вынуждена будет жить, продолжая делать перед своими близкими вид, будто ничего не произошло.

Родители так любили ее, они втроем жили так спокойно и всегда так хорошо понимали друг друга, что ей на какой-то миг стало вдруг страшно, что она никогда больше не услышит этого отцовского преисполненного любви «Привет». Не увидит и маму, не услышит ее голоса. Что она потеряет то главное, чем жила — семью, любовь близких и их понимание. Вряд ли папа или мама, узнав о том, как она решила избавиться от своего врага, поймут ее и простят.

Ведь после того, как она исчезнет из их жизни, у них тоже все изменится. Они будут спрашивать себя: где же они совершили ошибку и в чем, если их дочь оказалась способной на такое хладнокровное преступление? Но, с другой стороны, не сделай она этого, что стало бы с ней самой? Самозащита в самом широком смысле слова. Слишком широко, заметит кто-то. Быть может, это будет ее адвокат?

А что, если посвятить во весь этот кошмар отца? Он куда более разумен, чем мама, рассудителен, не склонен к панике. Больше того, он сможет ей помочь, научит, как действовать, чтобы ее не вычислили. Она вдруг представила себе, как он заходит к ней в комнату, чтобы пожелать ей спокойной ночи, а она, вместо того чтобы привычно ответить ему, попросит его выслушать ее. Вот он садится на краешек ее кровати, еще ничего не подозревающий, думающий, что сейчас последует рассказ об ее отношениях с Женей (а почему бы и нет?). И вместо этого она признается ему в том, что только что убила человека. Она называет его имя, а потом рассказывает, что толкнуло ее на это преступление. Скорее всего, он скажет: деточка, это же спланированное убийство. То есть на нее никто не нападал, она не отбивалась. Нет, все было не так! Она почти неделю вынашивала этот план, добывала пистолет...

Ее затошнило, когда она представила себе, что отец звонит в милицию и говорит, что убийство совершил он. Он такой, ее отец. Он ради нее способен на многое. Даже отдать жизнь, не говоря уже о том, чтобы взять на себя ее вину. Это невозможно допустить!

— Оля, ты почему не ешь? Может, я слишком много лука положила в грибы? Не нравится, так возьми пирожки, правда, они вчерашние, но я могу их подогреть в микроволновке.

— Мама, грибы очень вкусные. Все нормально.

Да, у нее все нормально. Главное, не думать о том, что произошло. И сделать все так, как она запланировала. Чтобы не подвести кое-кого и самой не попасться.

Не могла она не думать и о Жене.

Женя... Ну же?! Почему ей не думается о нем? Неужели

то, что она сделала, отдалило ее от него еще больше? Но ведь он такой хороший. Он замечательный. Он — лучший! Только вот ведь вопрос: кого она сегодня спасла?

Раздался звонок в дверь.

— Кто бы это мог быть? — Ирина удивленно посмотрела на мужа. — Да еще так поздно?

— Думаю, что это Макс, — ответил Владимир. — Что-то давно он у нас не был. Прямо к ужину!

3

Максим Львович Юдин резал лимоны, сидя на террасе своей дачи. Дикий виноград густо вился по решетчатым стенам, создавая тень и делая солнечные лучи приятно зеленоватыми, шадящими в столь жаркий полдень. Юдин готовил себе лимонад — посыпал нарезанные куски лимона в графине сахаром, заливал кипяченой водой. «В холодном виде это выпивается быстро, с наслаждением». Он сказал эту фразу Оле на прошлой неделе и почему-то покраснел, словно речь шла не о наслаждении лимонадом, а о другом наслаждении, о котором он мечтал и которое считал несбыточным. Мысли эти он считал преступными, а свое желание быть с Олей вообще стало бы предательством по отношению к самому близкому другу — ее отцу, Володе Барсову. Когда-то давно, когда Оля была маленькой девочкой, при ее крещении крестным отцом был выбран Максим, а крестной матерью — двоюродная сестра мамы, Тамара. Володя был тогда совсем молод, ему было всего двадцать лет, Ирине же — девятнадцать.

— Ты понимаешь, Макс, какую ответственность ты на себя взвалил, назвавшись крестным отцом моей дочери? — балагурил Володя, уже изрядно подвыпивший и не скрывавший своей огромной радости по поводу рождения дочери. — Если со мной что-то случится, ты станешь ее отцом и должен будешь заботиться о ней, как отец. Ты понимаешь,

елки-палки, о чем я тебе говорю?! Это все серьезно, Макс! И ты, Томка, тоже мотай себе на ус.

Тамара тоже мотала, хотя у нее и не было усов — она часто звонила Барсовым, справлялась о здоровье крестницы и никогда не приходила без подарков. И вообще, тогда всем было весело, все были молодые, и радость переливалась через край. Максим часто бывал у Барсовых дома, играл с малышкой Олей, гулял с коляской в парке, представляя себя молодым папашей, и уж никак не мог предположить, что когда-нибудь всерьез увлечется этой девочкой, будет страстно желать ее, мечтать о ней и строить какие-то даже планы в отношении ее. Быть может, ничего бы этого и не было, если бы Оля и сама не стала оказывать ему знаки внимания. Ему казалось, что и ей нравится быть с ним, беседовать, когда он приходил к ним, ездить с родителями к нему на дачу, прогуливаться с ним по лесу, слушая птиц.

Возможно, конечно, что Оля делала все это неосознанно, да и вообще, в ее тогдашнем возрасте девушка еще и сама толком не знала, чего она хочет от жизни, от мужчин, от Максима. Можно было даже предположить, что ей просто приятно находиться рядом со взрослым мужчиной, и только. К тому же Максим знал, что она встречается со своим ровесником, двадцатилетним Женей Бутурлиным, и, хотя родители ее уверены, что отношения их пока только дружеские, невинные — как знать! Но если, предположим, она любит Бутурлина, тогда почему же она пригласила на день рождения своей подруги, Галки Урусовой, не Женю, а своего крестного отца — то есть его, Максима?

Он взял с тарелки еще один лимон и принялся резать его на куски. От запаха он просто одурел — так ему было хорошо, даже показалось, что так вкусно и душисто пахла сама тема его любви к Оле. Это со стороны, если кому-то рассказать, его чувство к молоденькой студенточке, младше его на двадцать лет, могло выглядеть преступным, пошлым. Но он-то сам хорошо знает, как чиста его любовь к ней, как долго и медленно, в течение всей ее молодой жизни, она напивывалась невинным восторгом и восхищением перед ее красотой, нежностью, юностью. И что преступ-

ного в том, что его чувство к ней стало более зрелым, полным и что он стал относиться к ней уже не как молчаливый восторженный наблюдатель, но и как мужчина?! Время шло, и из маленькой, с нежной розовой кожей девочки она превратилась в женщину. Благо, он сам еще не постарел и чувствовал себя как никогда сильным и переполненным желаниями.

...Он густо посыпал куски лимона сахаром и уставился на дно уже второго по счету прозрачного графина, словно мог увидеть то свое сокровище, которым он упивался последние часы своей жизни, — воспоминание о неудавшейся вечеринке у Галочки Урусовой.

Она позвонила ему и сказала, что у Галки, ее подружки, которую Максим знал и часто видел в доме Барсовых, день рождения и что она хотела бы, чтобы они пришли к ней вдвоем. Удивленный столь неожиданным предложением, Максим несколько секунд молчал, переваривая услышанное. Что она хочет этим сказать? Они поссорились с Женей и ей неудобно идти одной? Или, быть может (и это тоже — при возможности ее ссоры с Женей), она хочет появиться на дне рождения подруги со взрослым мужчиной, которого в их компании не знает никто, предположим, кроме самой именинницы, чтобы потом до Жени дошли слухи, что она завела себе великовозрастного любовника? Говоря проще, чтобы досадить Бутурлину?

Но раздумывал он тем не менее недолго. Согласен, сказал он, представив себе Олю, разряженную в пух и прах и сидящую за столом рядом с ним целый вечер! А если еще и танцы будут и ему позволено будет держать ее за талию, уткнувшись лицом в ее волосы...

Он купил подарок — шкатулку из янтаря, букет цветов и явился к Галке. Она открыла дверь и, увидев его, со счастливым визгом: «Кто к нам пришел!» — бросилась его обнимать, принимая из рук букет.

За столом уже сидели какие-то девушки, молодые лю-

ди. Его усадили рядом с именинницей, по правую же руку от него стоял пустой стул, ожидавший, вероятно, Олю.

— А где же Оля? — время от времени спрашивала Галка, одетая во все красное, яркое и блестящее, и эти ее регулярные вопросы не казались Максиму фальшивыми. Нет, думал он, не может быть, чтобы Оля пригласила его для Галки. К тому же у нее был свой ухажер — полноватый молчаливый юноша в очках, весьма приятный, хотя и несколько старомодный, к тому же скромный, несмотря на свой дорогой костюм и бриллиантовые запонки.

Оля, между тем, не отвечала на звонки. Прошел час, полтора, и, когда она наконец сама позвонила и сказала, что она разбила по дороге подарок, дорожку вазу, и не сможет прийти к Галке, что у нее отвратительное настроение и она просит у нее прощения, Максим решил для себя: и ему нечего делать на этом дне рождения. Оля попросила передать телефон имениннице, вероятно, и ей объяснила причину своего отсутствия, после чего Галка, нежно улыбнувшись Максиму, сказала, что простит Олю только в том случае, если вместо нее на празднике будет ее близкий друг. Вот прямо так и заявила. То ли сама это выдумала, то ли Оля ей подсказала. Одно он понял — уйти с дня рождения Галки он не сможет, это выглядело бы совсем уж неучтиво. Поэтому он, воодушевленный тем, что, сам того не ожидая, оказался вовлеченным в круг знакомых своей тайной возлюбленной, решил остаться и попытаться понять, чем же живут и дышат эти молодые люди.

Оля чуть позже перезвонила ему и сказала: она чувствует себя неловко за то, что оставила его одного, просит простить ее, говорила что-то еще, но он, уже не вполне трезвый и находившийся в состоянии какой-то странной, блаженной истомы, понял главное: она ждет его у себя дома, родители будут рады его приходу, они все, Барсовы, любят его.

Он приехал к Барсовым поздно, сам не ожидал, что дорога займет так много времени. Ему искренне обрадовались, он читал это на их лицах и был счастлив тому, что в

этом доме его рады видеть в любое время дня и ночи. Оля смотрела на него так, словно хотела сказать: молчи, ничего не говори! Он понял это и прикрыл глаза: мол, хорошо, я делаю так, как ты хочешь. И тогда он почувствовал, что они заодно, что они — заговорщики.

4

Варю он нашел в ужасном состоянии. Мало того, что она была явно с похмелья, так еще и перепугана насмерть. Они разговаривали в ее спальне. Варвара Арнаутова, в черном бархатном халатике, наброшенном на голубую пижаму, сидела в глубоком кресле, поджав ноги, и, глотая слезы, рассказывала Павлу о том, что произошло накануне, то есть вчера вечером, в Лялином переулке у входа в ресторан «Золотая бабочка».

— Слушай, никак не могу припомнить, чтобы там был ресторан, — говорил Павел, глядя в распахнутое окно, где за шторами шумела листва огромного тополя. Все было зеленым, теплым, сонным и почему-то отчаянно невеселым.

— Там дом... Жилой. Подъезд обыкновенный. На самом деле, не все знают об этом заведении. Это небольшой ресторан, но ужасно уютный, там внутри очень красиво: старинные картины по стенам, бархатные диваны, занавески из каких-то немислимых тканей, да и кормят очень даже ничего. Правда, это дорогой ресторан. Мне его показала Лида. — И Варвара заскулила, в очередной раз вспомнив, что ее некогда лучшей подруги уже нет в живых. — Как подумаю, что ее нет, что она мертвая... в морге... на столе, так просто выть хочется! А тут еще меня обвиняют в убийстве! Якобы я убила Лиду из ревности. Еще неизвестно, кто кого должен был ревновать! Да и вообще, ей разбили голову — вроде бы ударили о стену... Ну почему мне приписали такое ужасное убийство?!

— Но ты же в каком-то сериале такую мерзавку играла, всем козни чинила, палила из пистолета направо и налево, яд сыпала почем зря, оплеухи раздавала... Думаю, актерская профессия — одна из самых опасных. Вы как бы при-

мериваете на себя чужие преступления, страсти, судьбы, наконец. Но я отвлекся. Давай начнем с самого начала! Итак. Вчера вы с Лидией Извольской были в ресторане «Золотая бабочка». Вдвоем? Или с Ратмановым?

— Паша, все-то ты знаешь! И про Ратманова тоже. — Она усмехнулась и холеной рукой с розовыми блестящими коготками взяла с прикроватного столика тоненькую пачку дамских легких сигарет. Чиркнула золоченой зажигалкой. Закурила.

— Варя, да об этом вся Москва знает! Возьми любой журнал. Я не говорю уже о газетах...

— Нет. Ратманова там не было. Он вообще куда-то уехал, этот чертов Ратманов. Но мы были не вдвоем. Там же, в ресторане, познакомились с двумя молодыми людьми весьма приличного вида. Только знать бы еще, что у этих молокососов на душе. Драпанули, как увидели этого...

— Так. Стой, не торопись! Ты мне скажи лучше, как вы вообще попали в ресторан, да еще вдвоем, когда все знают, в каких вы с ней отношениях?

— Понимаешь, утром были съемки в павильоне, и вечером мы с Лидой... Хотя нет, не так. Еще до ссоры с ней мы любили там бывать по вечерам... Но сначала она ходила туда с Андреем Ратмановым, и только потом, чтобы показать мне новый ресторан, они пригласили туда и меня, и мы несколько вечеров провели там втроем. Ратманов — шикарный мужик, ничего не скажешь, я не могла от него глаз оторвать, но он был с Лидой, у них вроде бы было все серьезно. А потом он однажды вечером приехал ко мне домой. Даже не поднялся, а просто позвонил, сказал, что ждет меня внизу. Я не могла отказаться, ну просто не могла! Поступила подло по отношению к Лиде. Но он же сам приехал!..

— И что потом? — кисло спросил Павел, очень хорошо представив себе, как дальше развивались события.

— Сам понимаешь! Она не могла не узнать. Да и вообще, ты же знаешь, что вся наша жизнь с недавнего времени — на виду.

Они познакомились, когда молодой и перспективной

актрисе Варваре Арнаутовой показалось, что в желтой прессе стали часто появляться статьи, грубо нарушавшие закон о вмешательстве средств массовой информации в частную жизнь. В статьях говорилось о беременности Вари, о ее многочисленных любовниках и о скандалах, связанных с ее фотографиями, размещенными в популярных мужских журналах. Этого грязного бумажного материала оказалось так много, что нервы у Вари не выдержали и она, по рекомендации своих знакомых, обратилась за помощью к адвокату Павлу Смирнову. Павел выиграл два процесса, в результате чего известные печатные издания выплатили Варю довольно приличные суммы в качестве возмещения морального вреда, после чего СМИ на время оставили ее в покое. В знак благодарности своему адвокату Варвара, помимо уплаты гонорара, подарила ему дорогой серебряный портсигар и малахитовую пепельницу, а также пообещала ему, что будет рекомендовать его всем своим знакомым. Но главное для Павла заключалось в искренней признательности своей клиентки, в ее желании чувствовать за спиной такого умного и надежного человека, как он, Смирнов, и в знании того, что у нее есть профессиональный защитник, благодаря которому жить ей теперь станет куда спокойнее. Так, во всяком случае, она сказала ему в их последнюю встречу на какой-то актерской вечеринке, куда Варя пригласила Павла, чтобы познакомить его с некоторыми своими знакомыми и ввести в круг своих известных и состоятельных друзей. Могла ли она предположить, что они встретятся спустя месяц, да еще и при таких роковых обстоятельствах: убили ее лучшую подругу, тоже молодую и известную актрису, и в убийстве обвиняют Варю.

— Варя, мы остановились на том, что я спросил тебя: кому принадлежала инициатива поехать вечером в ресторан?

— Положим, ты не так спросил, ну да ладно. Ратманов стал моим любовником! — произнесла она с трагической ноткой в голосе. — И если бы он был в Москве, то в ресторан мы бы пошли с ним вдвоем. Хотя, возможно, Лидка бы за нами и увязалась. Но вчера вышло еще хуже. Она не знала, где Андрей. Услышав, что я собираюсь в «Золотую ба-

бочку», сказала, что поедет со мной, думала, что и Андрей там тоже будет. Она сказала это так, что я поняла — она точно поедет, ей очень хочется крем-брюле. Дело в том, что в этом ресторане готовят отличное крем-брюле, с вишнями. Ужасно калорийная вещь, но Лида его просто обожала. Но дело-то, конечно, не в этом. Я чувствовала, что у нее начинается истерика, она просто-напросто хочет надаться и устроить нам с Ратмановым сцену у фонтана.

— Варвара, возьми себя в руки! Я ничего не понимаю.

— Ну что же здесь непонятного? Она сама напросилась со мной, мы на машине помощника режиссера поехали в центр, вышли и направились в Лялин переулок. Я понимала, что она хочет со мной поговорить, выяснить, так сказать, отношения. Это и правильно, ведь мы же снимаемся в одном фильме и должны как-то ладить, иначе провалится весь проект. Режиссер и так уже на нас косо поглядывает, думаешь, ему еще не донесли о наших отношениях?

— Хорошо. Итак, вы вместе пришли в Лялин переулок. Вот скажи: разве тебе было мало скандалов? Зная о том, что твою подругу переполняют чувства и она хочет выяснить отношения, даже не ведая, будет там ваш Ратманов или нет, ты тем не менее позволила ей пойти с тобой? Причем она понятия не имела, где Ратманов, следовательно, весь скандал должен был быть адресован именно тебе одной!

— Да, она действительно не знала, где он. Он уехал неожиданно, по делам... в Питер, — рассеянно проговорила Варвара.

— Хорошо, начнем с другой стороны. Откуда взялись те двое, с которыми вы потом вышли из ресторана?

— Они постоянно там ошиваются. Сынки богатых родителей, кажется, студенты. Их в «Золотой бабочке» все знают. Короче, мы с Лидой пришли, сели за наш столик, к нам тут же подсели эти двое. Красивые мальчики, что с них взять? Заказали шампанское. Лида наконец спросила, где Андрей. Ну, я и сказала ей, что он в Питере. Что его в Москве нет и она напрасно притащилась сюда в надежде его увидеть и высказать ему в лицо что-то такое, о чем она постоянно твердила. Она была вся на взводе.

— Кто-нибудь может подтвердить, что она нервничала, была не в себе?

— Да, конечно! Все, кто работает там, знают нас отлично, да и журналы читают, все сплетни им известны, они же этим и живут! Они и журналюгам звонят, папарацци, за денежки сообщают, кто сидит в «Бабочке».

— Что было потом?

— Мы сделали заказ. Мальчики сидели рядом, что-то бляели о высокой любви. Надо сказать, Лидка пользовалась у них большим успехом. Они сидели с ней чуть ли не в обнимку. Мне-то все было до фонаря, я Ратманова ждала.

— Он обещал прилететь прямо из Питера?

— Паша, ну что ты такое говоришь? Это же я в иносказательном смысле! В том смысле, что я как бы принадлежала Андрею и мне не было никакого дела до этих молокососов. Лида начала заводиться сразу. Вернее, она уже вошла в ресторан с таким настроением. Все делала резко: и говорила, и пила шампанское, и вертела головой, и звонила кому-то. Вроде у нее новый проект наклевывался, участие в каком-то там сериале... Плюс реклама духов. Знаешь, она ничем не брезговала.

— Варя!

— Ладно, не буду. Просто это по ее милости я сейчас говорю с тобой! Но не по душам, понимаешь? Нам с тобой защиту строить надо! А мне это к чему? Моя карьера полетит к чертям, если мы не докажем, что это не я ее... Они говорят, что у меня одежда в ее крови. Это моя кровь! Да и как это они так быстро сделали вывод, что это ее кровь, если я была дома в своей одежде? Они просто решили меня запугать!

— Успокойся. Действительно ерунда какая-то... А где твоя одежда?

— Они ее взяли. На экспертизу. Это моя кровь!

— Давай рассказывай дальше.

— Понимаешь, она постоянно подкалывала меня, просто слова не давала вставить и, даже не обращая внимания на то, что ее слушают эти двое прилипал, начала выговаривать мне, что я воровка, что я украли у нее самое главное.

Все же понимали, кого она имеет в виду! Но он сам бросил ее. Я ничего для этого не делала. Все мужчины такие... непостоянные. Я хотела, чтобы она успокоилась, пыталась образумить ее, внушить, что Ратманов — не ее мужчина. Но получилось, что я только подлила масла в огонь... Словом, ужин прошел отвратительно, я уже сто раз пожалела, что согласилась пойти с ней туда... лучше бы отправилась домой, приняла ванну, выпалась.

— Дальше!

— Мы вышли, уже стемнело. И вот тут-то на нас напал парень. Пьяный, от него сильно пахло алкоголем. Здоровый такой, худой, с наглой красной рожей. Стал требовать деньги. И рядом, как назло — ни души. Ни одного прохожего! Сначала он бросился ко мне, схватил сумку, потянул на себя. Я вырвала у него из рук сумку и принялась ею бить его по лицу. Я тоже разозлилась. Меня воровкой весь вечер называли, а разве я воровка? Это бандит тот — вор! Наши двое ухажеров сбежали. Сразу. Ослы молодые! Испугались. Я еще подумала тогда: будь с нами Андрей, он врезал бы этому бандюге. Не знаю почему, но мне не было страшно. Только одна злость.

— А Лида? Где в этот момент была она?

— Думаю, где-то рядом. У меня в голове все смешалось. Я дралась с ним, но у меня ничего не получилось — он схватил и мою сумку, и ее, стал потрошить их прямо на улице, словно нисколько не боясь, что его увидят. Это все потому, что он был сильно пьян. Он взял кошелек Лиды и мой тоже. Что-то хрустело под нашими ногами. Может, пудреница или помада. Так противно было, что тебя грабят! Но он сильный. Лида стояла рядом и рыдала. Говорила, что в ресторане оставила самое драгоценное...

— В смысле? Что она там оставила?

— Косметичку. Она плакала, как дурочка, тоже ведь была пьяная, и говорила, что в туалете в ресторане оставила косметичку, а в ней — фотография Андрея. Это-то она и считала драгоценностью.

— А этот бандит?

— Он убежал! Схватил наши кошельки и убежал.

— Много было денег?

— Нет. Я еще спросила у Лиды, сколько у нее там было, она отмахнулась и сказала — пара сотен баксов, она не носит с собой много денег. А банковская карточка у нее в косметичке. Вот она и вернулась в ресторан. Понимаешь, она тогда была жива!

— Ты дождалась ее?

— Мне и так хватило за этот вечер. Ее, пьяную, мне пришлось бы отвезить домой, и еще неизвестно, что она успела бы мне наговорить. Я ушла. Так-то вот! Может, в этом моя ошибка? Но это же не карается законом! Я не обязана никого поджидать из ресторана! Тем более что она обзывала меня воровкой.

— Как ты добралась домой?

— Никак. Остановила такси, и все.

— Но денег-то у тебя не было.

— Я вынесла их из дома, Паша, когда таксист привез меня! Все так делают.

— И больше ты Извольскую не видела?

— Нет! Как же я могла ее видеть, если я была дома, когда ее убили?

— А ты откуда знаешь, когда ее убили?

— Ее убили где-то в десять-одиннадцать, это я точно знаю, потому что следователь спрашивал меня таким противным голосом: где вы, дорогая моя, находились между десятью и одиннадцатью вечера? Дома!

— У тебя есть алиби?

— Нет.

— Тебя никто не видел?

— Не знаю... — пожалуй, начиная с этого момента Варвара повела себя как-то неуверенно. Это просто бросалось в глаза.

— А таксист? Ты не запомнила номер машины? Или физиономию водителя?

— Это было не такси. Я ошиблась. Просто машина. Частная. Даже марку не запомнила, я в них не разбираюсь.

— Плохо, — вздохнул Павел. — А теперь выкладывай все начистоту...

5

— Рита, Марк, мне, конечно, ужасно неудобно, что все так получилось и вам пришлось остаться с гостями. Но что поделывать, если у меня такая работа? Думаю, поэтому я до сих пор один.

— Брось, Паша, не извиняйся. У меня, как ты понимаешь, Марк тоже в этом отношении человек непредсказуемый, постоянно ставит меня в подобные положения. Его почти дома не бывает. Мы даже были рады помочь тебе.

— Рита, я же понимаю, что вся нагрузка легла на тебя. Прости. Прошу тебя.

— Паша, я совсем не устала.

Так, обмениваясь любезностями, мягко извиняясь и принимая извинения, они втроем сидели на кухне и пили чай. Была глубокая ночь, Москва за окном мерцала огнями, где-то высоко, за потемневшими кронами деревьев, сияла голубовато-желтым светом церковь.

Тихо работала посудомоечная машина, тишину дробило тиканье часов на стене. Рита, утомленная, была не совсем искренна, когда говорила, что не устала. Она не только устала, но и чувствовала какое-то смутное раздражение. И хотя она понимала, что Павел пригласил их сюда не столько ради того, чтобы они помогли ему в проведении юбилея, сколько для того, чтобы увидеть Риту, все равно ей не понравилось, что ее использовали, как прислугу. Это утром она была еще полна сил, ей казалось, что ничего унижительного в этом мероприятии для нее нет. Сейчас же она жалела о том, что согласилась приехать в Москву. Ну и что, если она нравится какому-то там адвокату? Ей-то что? Она любит Марка!

— Пойдите... Я же не сказал вам главного! Господи, совсем закружился. — Павел даже встал и хлопнул себя ладонью по лбу. — Рита, я же договорился с одним человеком, он хочет посмотреть твои картины. Марк прислал мне их фотографии по Интернету.

Рита удивленно взглянула на мужа:

— Марк?

— Да, что-то такое припоминаю. — Марк от смущения порозовел.

Он-то не забыл, что Павел обещал познакомить их с одним человеком, продающим картины русских художников за границу. И хотя он отлично понимал, что действует за спиной жены, ему все равно казалось, что Рите надо бы помочь с продвижением ее работ. К тому же она как-то сама оговорилась о том, что мечтала бы купить небольшую квартиру в Москве, так сказать, вложить деньги, и если удастся продать ее картины, то ее мечта может исполниться...

— Марк, за моей спиной ты пытаешься продавать мои картины? — У Риты даже тон изменился.

— Рита, прошу тебя! Успокойся. Да, я отправил Паше фотографии твоих картин, твоих роскошных натюрмортов с фиалками, грушами, хризантемами. Все твои друзья в Саратове ходят, облизываются, обещают купить. Но уже несколько месяцев они не продаются.

— А кто тебе сказал, что я их вообще продаю?! — вскричала уязвленная Рита. — К тому же, может, ты и забыл, но у меня есть постоянные покупатели в Германии, Голландии... Я еще им не предлагала ничего, а ты уже связался с Пашей, и вы о чем-то там договорились!

Она и сама понимала, что ведет себя непозволительно, Марк ведь просто хотел ей помочь, а у Паши на самом деле могут быть хорошие связи, но остановиться уже не могла.

И тогда Павел решил сам выручить друга.

— Вы, дорогие мои, кричите не кричите, но дело сделано: этот мой знакомый завтра-послезавтра возвращается в Москву (он, надо сказать, великий путешественник) и первым делом позвонит мне. Думаете, он не навел справки о тебе, Рита? Работы талантливых художников не остаются незамеченными! Если он пристроит твои работы за хорошую цену и вы купите здесь квартиру, то кому от этого будет хуже? Ты, Рита, напишешь еще что-нибудь гениальное, а у твоей дочери, Фабиолы, будет где проводить каникулы, а потом и жить, если она надумает здесь учить-

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДЕРЖКИ БОГЕМНОЙ ЖИЗНИ. Повесть	5
ВСПОМНИ ОБО МНЕ. Повесть	213